

Р. В. Зимовец

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ БРОНЗОВЫХ БУТЕРОЛЕЙ В ВИДЕ ГОЛОВЫ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ

В статье рассматривается один из характерных элементов художественного оформления скифского вооружения — бронзовые бутероли от ножен мечей и кинжалов, выполненные в виде головы хищной птицы. Стилистические особенности образа, представленного на данных изделиях, позволяют классифицировать их на три типа, имеющих различную локализацию. Выдвигается гипотеза, в соответствии с которой проникновение орлиноголовых бутеролей на территорию Скифии осуществлялось через Крымский полуостров. Здесь же произошло сложение стилистики типа «Репяховатая Могила» и распространение соответствующих изделий на территории Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, бутероль, голова хищной птицы, грифон, Крым, Кавказ.

В кругу культур скифского облика Восточной Европы довольно широкое распространение получили бронзовые наконечники ножен (бутероли), оформленные в традициях скифского звериного стиля в виде головы хищной птицы, предположительно орла¹. Они выполнены в

форме уплощенного конуса либо цилиндра, передающего условную шею птицы и оканчивающегося головкой с выпуклыми округлыми глазами (слезница отсутствует), сильно загнутым клювом, открытым ртом, переданным сквозным отверстием, в котором, как правило, помещался короткий язык. Моделировка головы птицы — скульптурная, однако ориентированная, преимущественно, на боковой обзор.

Половина указанных наконечников — 12 экземпляров — происходит с территории Северного Кавказа и Закавказья: из могильника Фаскау (4 экз.), Верхне-Кобанского (2 экз.), Нижне-Чегемского (2 экз.), Кливанского (1 экз.), Дванского (1 экз.) [Вольная, 2015, с. 19], Патардзеули (1 экз.), Натсаргора (1 экз.) [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 95, il. I, 1, 2; II, 6]².

Единичные находки наконечников ножен, схожих с кавказскими, происходят из погребения 2 Репяховатой Могилы в Среднем Поднепровье [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43, рис. 11, 7; 12, 2], с острова Левке (Змеиного) [Островерхов, Охотников, 2008, с. 32, 33, 57, рис. 6], Фирминиша (Трансильвания) [Степи..., 1989, с. 87, 333, табл. 28, рис. 15, 20], Владимирского могильника (Западное Закубанье) [Шишлов, 2008], Майкопа [Плліньська, 1963, с. 36]³, Старшего Ахмыловского [Чижевский, 2008, с. 45, рис. 33, 7] и Скородумского могильников [Чижевский,

1. Ряд исследователей определяет этот образ как «языкатый грифон» [Виноградов, 1972, с. 146, Мопшинский, 2006, с. 17]. На наш взгляд, для этого нет достаточных оснований, т.к. образ грифона (в том числе и так называемого «скифского») предполагает ряд характерных черт (наличие ушей, режы и в более раннее время — шишковидного выступа на темени) которые в данном случае отсутствуют. При этом раннегреческий мотив протомы грифона, безусловно, повлиял на сложение рассматриваемого образа, о чем будет сказано ниже. В связи с этим, применительно к рассматриваемым изделиям, более точным видится использование понятий «наконечник ножен в виде головы хищной птицы» или «орлиноголовая бутероль».

2. В статье В. Маисурадзе и М. Пирцхалава также содержится информация о нескольких неопубликованных наконечниках из могильника Брилли, которые мы пока не можем включить в сводку [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 96].

3. Данная бутероль была ошибочно отнесена В.А. Ильинской к разряду наверхий.

Рис. 1. Бутероли из Юго-Восточного Крыма: 1 — гоный массив Агармыш; 2 — уроч. Алан-Тепе в окрестностях Старого Крыма; 3 — горный массив Кубалач; 4 — с. Александровка Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 39—41]

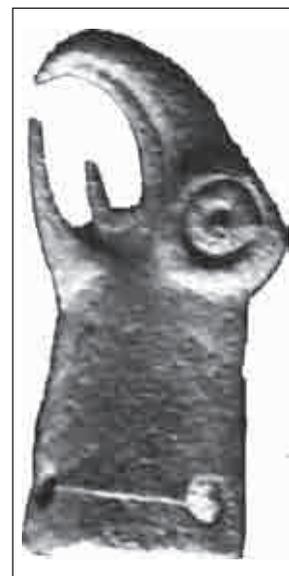
2008, с. 118, 125, рис. 33, 7; Мингалев, 2007, рис. 3, 4] (Волго-Камский регион).

В 2014 г. были опубликованы еще 4 окончания ножен, оформленные в виде головы хищной птицы, происходящие с территории Юго-Восточного Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 39—42]. Все они относятся к категории случайных находок и происходят: с горного массива Агармыш (1 экз.), горного массива Кубалач (1 экз.), уроч. Алан-Тепе (окрестности Старого Крыма) (1 экз.), с. Александровка Белогорского района (1 экз.) (рис. 1).

Депаспортизированной является бутероль, хранящаяся в экспозиции Харьковского исторического музея (инв. № Арх-32/35) и входящая в состав так называемого «Харьковского клада» — собрания разновременных предметов, очевидно из сожженной археологической выставки 1942 г.¹ (рис. 2).

Таким образом, на сегодняшний день известны 24 бронзовые бутероли, выполненные в виде головы хищной птицы. Все они морфологически сходны, и представляют собой уплощенные втулки конусовидной или цилиндрической формы, окончание которых выполнены в виде скульптурной головки хищной птицы. А.П. Мошинский причислил бутероли из Фаскау, Кобанского и Дванского могильников к особому типу, в отличие от бутеролей в форме свернувшегося хищного зверя [Мошинский, 2006, с. 17]. Принимая общую дифференциацию бутеролей на орлиноголовые и в виде свернувшегося хищника необходимо отметить, что первые отличаются друг от друга рядом стилистических особенностей, связанных с а) общими пропорциями изделий и б) оформлением головы. По этим признакам достаточно явно

Рис. 2. Бутероль из собрания Харьковского исторического музея. Фото С.А. Скорого

выделяются 3 типа, которые мы определили как 1-й Кавказский (Дигорско-Чегемский), 2-й Кавказский (Кобанский) и тип «Репяховатая Могила».

На различие двух типов кавказских бутеролей обратила внимание Г.Н. Вольная, которая составила и наиболее полный их свод, приведя аналогии с территории Восточной Европы [Вольная, 2015]. К первому типу относятся, в первую очередь, 5 наконечников, происходящих из Нижне-Чегемского могильника (2 экз. из погр. № 2 и 7) и могильника Фаскау (3 экз.). Для него характерна коническая втулка и округленное изображение головы, где сильно-загнутый клюв сливается с подклювьем, образуя кольцо. В раскрытом клюве помещен как правило треугольный, слегка выгнутый язык. Глаз небольшой, круглый, выпуклый. В целом, изображения выполнены очень условно, детализация клюва и подклювья отсутствует. К данному типу примыкает и наконечник ножен, происхо-

1. Информация любезно предоставлена Л.И. Бабенко. В инвентарной книге музея бутероль определена как «втульчатое навершие со стилизованным изображением головы орла».

Рис. 3. Бутероли 1-го Кавказского типа и их производные: 1, 2 — Нижне-Чегемский могильник; 3—5 — могильник Фаскау; 6 — Кубалач; 7 — Старший Ахмыловский могильник; 8 — Александровка; 9 — Скородумский могильник (по: [Вольная, 2015, с. 20, 25])

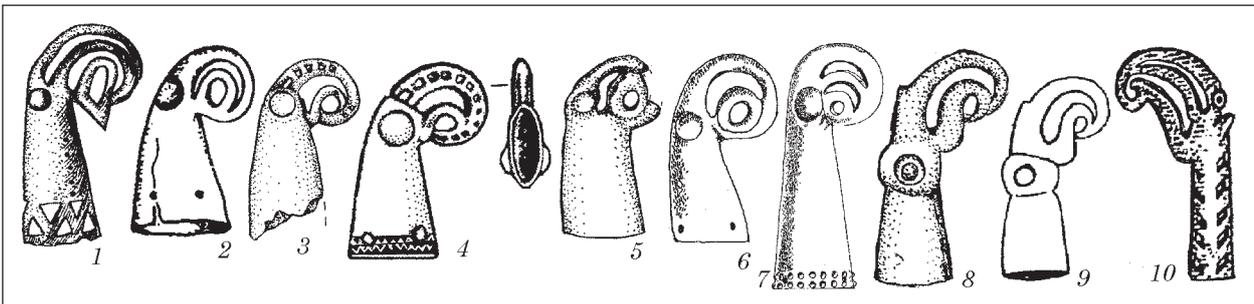

Рис. 4. Бутероли 2-го Кавказского типа и их производные: 1, 3 — Верхне-Кобанский могильник; 2 — Дванский могильник; 4 — Кливанский могильник; 5 — могильник Фаскау; 6 — могильник Натсаргора; 7 — Патардзеули; 8 — Владимировский могильник; 9 — Майкоп; 10 — Фирминиш (по: [Ллїнська, 1963; Maisuradze, Pirtskhalava, 2013; Вольная, 2015])

дящий с горного массива Кубалач (Белогорский район, Крым). Однако, в отличие от кавказских аналогов, у него достаточно выразительно выделен широкий клюв, который не сливается с подклювьем, а упирается в него, немного выступая острым окончанием за подклювье. Язык моделирован прутком, а не треугольником. В качестве производных от данного типа изображений также можно рассматривать еще 3 бутероли. Это наконечник ножен из Александровки (Крым), выполненный в крайне условной и схематичной манере. Широкий закрученный клюв образует кольцо неправильной формы и соответствующее отверстие рта, подклювье не выражено, язык отсутствует. И два наконечника ножен из Волго-Камского региона: из Старшего Ахмыловского (погр. № 336) и Скородумского могильников. Последний является наиболее отдаленным аналогом данной группы, характеризуясь крайне условным изображением головы, очень вытянутой конусовидной втулкой, дополнительным изображением хищного зверя на согнутых лапах и с повернутой назад головой, помещенным на «шее», что не характерно для рассматриваемых нами бутеролей (рис. 3).

Второй тип представлен кавказскими наконечниками из Кобанского могильника (2 экз.), а также из Фаскау, Кливанского, Дванского (погр. № 4) могильников (по 1 экз.), из населенного пункта Патардзеули (1 экз.) и из разрушенного погребения 495 у Натсаргоры (1 экз.).

Для него характерно изображение сильно загнутого спиралевидного клюва из двух или трех полос и полукольцевого языка, конец которого соединен с клювом. В некоторых случаях (Кобанский, Кливанский могильники) две полосы клюва соединены между собой ритмичными полосками, благодаря чему изображение получает дополнительную ажурность. Также на некоторых наконечниках (Кобанский, Кливанский могильники) основание конуса украшено двумя рядами треугольников или же двумя рядами выпуклых точек (Патардзеули). Ко второму типу кавказских наконечников примыкают три бутероли, найденные в Западном Закубанье (Майкоп, Владимировский могильник) и Трансильвании (Фирминиш). Их форма, в целом, повторяет очертания кавказских наконечников, клюв которых передан двумя или тремя полосами, но при этом для всех трех изделий характерна важная особенность — вытянутая форма клюва. У кубанских бутеролей также выражена роговица клюва, что не характерно для остальных изделий. Подклювье сливается с S-образным языком. У Владимировского наконечника ножен глаз — концентрический, а у бутероли из Фирминиша он чрезвычайно мал, что не совсем характерно для скифского анималистического искусства (рис. 4).

Оба рассмотренных кавказских типа бутеролей роднит, в первую очередь, округлый характер головы хищной птицы, переданный

кольцевидным или спиралевидным клювом, образующим одно целое с условно выраженным подклювьем; при этом клюв значительно смещен вниз по отношению к голове и шее. Также необходимо выделить отчетливо конусовидную форму втулки — условной шеи и сложную форму языка (треугольный, выгнутый). Первый тип, по мнению Г.Н. Вольной, является стилистически более однородным и поэтому, вероятно, более ранним. Второй тип испытал большее воздействие кобанского искусства, для которого характерна орнаментация и ажурность [Вольная, 2002, с. 48; 2015, с. 22]. Добавим к этому, что второй тип имеет больше вариаций: клюв передан в основном двумя, но иногда и тремя полосами (Верхне-Кобанский, Патардзеули), в основном он имеет круглую форму, но иногда и округло-вытянутую (Майкоп, Владимировский могильник, Фирминиш), некоторые изделия дополнительно орнаментированы (Верхне-Кобанский, Кливанский, Патардзеули, Фирминиш). Это свидетельствует о популярности данного типа, его изготовлении в различных мастерских, а также, возможно, об относительно более долгом периоде его бытования.

От указанных кавказских типов отличается стилистика образа на бронзовой бутероли, происходящей из впускного погребения Репяховатой Могилы. Несмотря на морфологическое сходство с кавказскими образцами, она выделяется рядом существенных характеристик. Во-первых, клюв находится в одной плоскости с условной головой и шеей, лишь слегка выступая за ее верхний и нижний края, в отличие от кавказских аналогов, клюв и подклювье которых смещены вниз по отношению как к голове, так и к шее. Также необходимо обратить внимание на цилиндрическую, а не коническую форму втулки — условной шеи, которая плавно переходит в головку птицы. Во-вторых, клюв трактован как полтора завитка, которые имеют вытянутую вперед форму. Благодаря такому приему спираль клюва получает своеобразную трактовку: она оказывается приплюснутой и вытянутой. При этом верхняя часть клюва очень массивна, а подклювье, как таковое, отсутствует, его полностью заменяет завиток клюва. В-третьих, вследствие удлиненных пропорций клюва открытый рот имеет форму не кольца, а удлиненного овала. В-четвертых, язык птицы — короткий, без изгиба, моделированный прутком, не сильно заостренный. Он идет практически параллельно нижней части клюва¹. В-пятых, в отличие от многих экземпляров кавказских бутеролов и их аналогов, глаз птицы очень большой, трактован округлой полушаровидной выпуклостью. Также как

и у двух кавказских типов, восковица не обозначена, что характерно для раннескифских изображений головы хищной птицы [Ильинская, 1965, с. 103]. Плавный переход от шеи к голове, большой удлиненный клюв, подпрямоугольная форма изделия в целом придают образу, изображенному на бутероли из Репяховатой Могилы массивность и композиционную уравновешенность.

А.П. Мошинский, определяет бутероль из впускного погребения Репяховатой Могилы как «реплику кавказских наконечников» [Мошинский, 2006, с. 17]. К его мнению присоединяется и Г.Н. Вольная, рассматривая в качестве прототипов данной бутероли кавказские наконечники ножен первого типа [Вольная, 2015, с. 25, 27 рис. 3, 1]. Возможно, на мысль о «кавказской реплике» исследователей натолкнул единственный характер находки. Вместе с тем, крайне близкая, с точки зрения стиля, бутероль происходит с острова Левке (Змеиногор)² [Островерхов, Охотников, 2008, с. 32, 33]. К этой же серии приписывают и бутероль из собрания Харьковского исторического музея. А находки еще двух аналогичных бутеролов в Юго-Восточном Крыму заставляют поставить вопрос об оригинальном типе наконечников ножен, отличном от кавказских типов 1 и 2. То есть речь идет не о простом единичном копировании с привнесением авторской трактовки, а о серии изделий, хотя и схожих с кавказскими, но имеющих оригинальные изобразительные черты и характеризующихся стилистической однородностью, одним из подтверждений которой служит отсутствие производных изображений. Этому типу присущи все перечисленные выше особенности бутероли из Репяховатой Могилы: подпрямоугольная цилиндрическая втулка, создающая эффект массивной шеи, вытянутая форма мощного, закрученного в полтора завитка клюва, лишь немного выступающего за верхнюю и нижнюю границы головы и шеи, вытянутая овальная форма рта, короткий, не сильно заостренный язык, большой округлый глаз. Учитывая, что Репяховатая Могила является единственным комплексом, позволяющим определить общий археологический контекст и датировку, мы будем называть выделенный тип по данному месту находки (рис. 5) (таблица).

Впервые на стилистическое своеобразие бутероли из Репяховатой Могилы указали Ильинская и Тереножкин, определив ее как «скифский вариант» орлиноголовых бутеролов [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 46]. На стилистическую разницу между бутеролями с острова Левке и Репяховатой Могилы, с одной стороны и кавказскими бутеролями, с другой

1. У данного экземпляра язык был обломан еще в древности. О его форме можно судить по оставшемуся основанию, а также по другим сходным экземплярам.

2. К сожалению, А.П. Мошинский и Г.Н. Вольная не упоминают наконечник ножен с острова Левке (Змеиногор), хотя именно он наиболее близок бутероли из Репяховатой могилы.

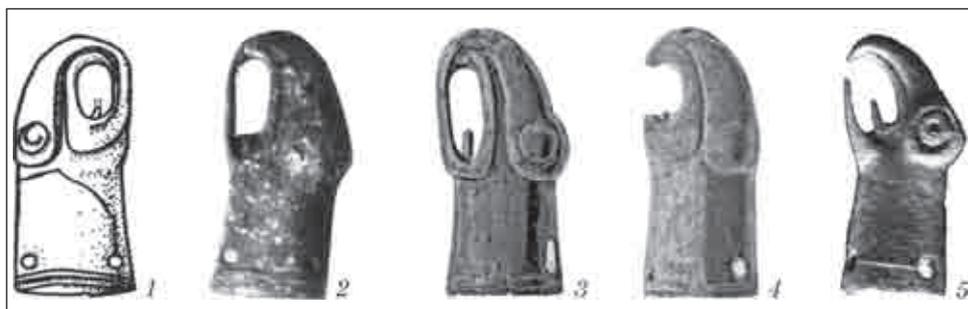

Рис. 5. Бутероли типа «Репяховатая Могила»: 1 — Репяховатая Могила; 2 — остров Левке; 3 — Агармыш; 4 — Алан-Тепе (Старый Крым); 5 — собрание ХИМ (по: [Иллинская и др., 1980, с. 42, рис. 11, 7])

Типы бутеролей в виде головы хищной птицы

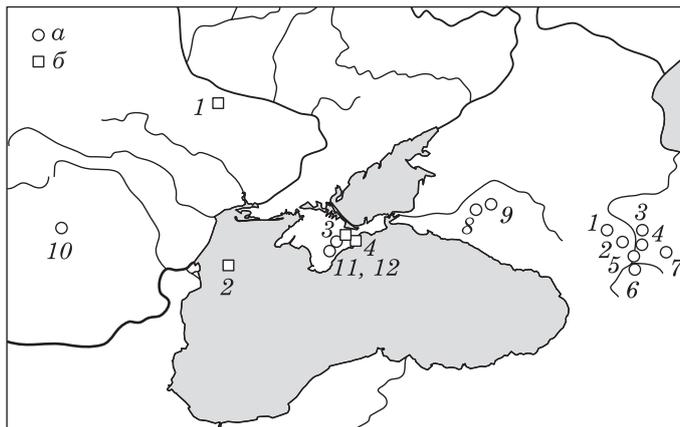
Место находки	Регион	Тип
Фаскау	Кавказ	1-й Кавказский (Дигорско-Чегемский)
Там же	Там же	
» »	» »	
Нижний Чегем	» »	
Там же	» »	
Кубалач	Крым	Производные от типа
Александровка	Там же	
Старший Ахмыловский	Волго-Кама	
Скородумский	Там же	
Кобан	Кавказ	2-й Кавказский (Кобанский)
Кобан	Там же	
Фаскау	» »	
Дванский	» »	
Кливанский	» »	
Натсаргора	» »	
Патардзеули	» »	
Владимировский	Кубань	
Майкоп	Там же	
Фирминиш	Трансильвания	
Репяховатая Могила	Правобережная Лесостепь	Репяховатая Могила
Остров Левке (Змеиный)	Северное Причерноморье	
Фонды ХИМ	Там же (?)	
Агармыш	Крым	
Старый Крым	Там же	

указал и А.М. Новичихин. Он связал последние, по его мнению, более стилизованные, с древностями кобанской культуры, а первые — с менее стилизованными бутеролями «скифского происхождения» [Новичихин, 2006, с. 51]. Важно подчеркнуть, что, при явных отличиях, все бронзовые орлиноголовые бутероли обладают существенным морфологическим сходством, а кавказские наконечники, скорее всего, также использовались скифами. Видимо, тут корректнее говорить об определенной локализации наконечников типа «Репяховатая Могила» на территории собственно Скифии, о чем речь пойдет далее.

Между пятью бутеролями рассматриваемой серии имеются определенные отличия,

главным из которых является расположение и форма глаза. Так, у наконечников ножен из Репяховатой Могила и района Старого Крыма крупный выпуклый глаз не выступает над поверхностью головы (у бутероли из окрестностей Старого Крыма он даже имеет слегка вытянутую вдоль клюва, приплюснутую форму). У наконечников с острова Левке, Агармыш и Харьковского исторического музея наоборот, круглый глаз слегка выступает над поверхностью головы, образуя небольшой полукруг. Глаз бутероли из Харьковского исторического музея — единственный в данной серии — трактован концентрически с выделенной точкой зрачка. Голова птицы на данной бутероли также в большей степени выступает за границы

Рис. 6. Карта распространения орлиноголовых бутеролов: а — бутероли 1-го и 2-го Кавказского типов: 1 — Нижний Чегем; 2 — Фаскау; 3 — Кобан; 4 — Кливана; 5 — Двани; 6 — Натсаргора; 7 — Патардзеули; 8 — Майкоп; 9 — Владимировская; 10 — Фирминиш; 11 — Кубалач; 12 — Александровка; б — бутероли типа «Репяховатая Могила»: 1 — Репяховатая Могила; 2 — остров Левке (Змеиный); 3 — Агармыш; 4 — Алан-Тепе (Старый Крым)

шей-втулки, чем у других экземпляров типа. Однако эти особенности не являются существенными, и не нарушают общее стилистическое единство типа.

Нанесение на карту мест находок бронзовых наконечников с окончаниями в виде головы хищной птицы (рис. 6) позволяет сделать определенные выводы относительно их локализации. Во-первых, бутероли 1-го Кавказского типа имеют четкую локализацию на территории Северного Кавказа. Их производные встречены в Крыму (2 экз.) и Волго-Камском регионе (2 экз.). Бутероли 2-го Кавказского типа имеют более обширную кавказскую географию (Предкавказье, Северный Кавказ, Закавказье), однако за пределами региона известна лишь одна, довольно удаленная аналогия (Фирминиш) ¹.

Во-вторых, находки бутеролов типа «Репяховатая Могила» характерны лишь для Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья, в то время как на Кавказе они пока не встречены. Таким образом, можно говорить о серии бутеролов из пяти экземпляров, характерной только для территории классической Скифии. Здесь они являются преобладающими, а это уже позволяет говорить о локальных особенностях зооморфного оформления окончания ножен на территории Скифии.

В-третьих, Крым является второй после Кавказа территорией, на которой мы встречаем концентрацию бутеролов (4 экз.) и пока единственной зоной, где зафиксированы и 1-й Кавказский тип и тип «Репяховатая Могила».

Выделение отдельного типа архаических скифских наконечников ножен, имеющих достаточно определенную локализацию позволяет поставить вопрос о его генезисе и, в частности, о соотношении с описанными выше кавказскими бутеролями. Для ответов на эти вопросы, во-первых сопоставим хронологию различных типов орлиноголовых наконечников ножен, во-вторых, рассмотрим вопрос о происхождении и генезисе образа, представленного на них.

Хронология. А.П. Мошинский датирует бутероли из могильника Фаскау (4 экз.), а также

1. С.А. Скорый причисляет меч из Фирминиша к кругу скифо-фракийских изделий, подчеркивая, что на территории Скифии элементы декора подобного рода не известны [Скорый, 1990, с. 37]. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с фракийской трактовкой кавказского образа.

сходные наконечники ножен из Кобанского и Дванского могильников «раннескифским временем», т. е. «эпохой, заканчивающейся завершением походов скифов через Кавказ» [Мошинский, 2006, с. 18], хотя в своей сводной таблице позднекобанских материалов из Дигории помещает их в более широкий диапазон VII—VI вв. до н. э. [Мошинский, 2006, с. 202, рис. 43]. Сложности датировки бутеролов из Фаскау связаны с тем, что данный памятник был полностью разрушен местными жителями еще в конце XIX в., а предметы из этого могильника вошли в известное собрание С.П. Уваровой уже в депаспортизованном виде [Мошинский, 2006, с. 202, рис. 43].

Автор статьи, посвященной раскопкам Дванского могильника датирует его VII—VI вв. до н. э. или, более точно, рубежом VII—VI вв. до н. э. [Макалатия, 1949, с. 240]. Интересен тот факт, что орлиноголовая бутероль была обнаружена в погребении 4, не содержащем оружия. Однако в погребении 2 обнаружен акинак с бабочковидным перекрестием, брусковидным навершием и ручкой, образованной тремя валиками-утолщениями. Такие кинжалы датируются, по аналогиям, второй половиной VII — VI вв. до н. э. [Скорый, Зимовец, 2015, с. 30]. Эту же датировку подтверждают и втульчатые трехгранные и трехлопастные наконечники стрел с шипом. Двухлопастный наконечник стрелы с лавролистной головкой и шипом из погребения 11 относится, самое позднее, к началу VI в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 17].

По характерному железному изогнутому ножу, бутероль из Натсаргоры датирована второй половиной VII — VI вв. до н. э., хотя существует и более ранняя датировка: VIII—VII вв. до н. э. [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 100]. Учитывая сходство бутеролов из Натсаргоры, Двани и Кобана В. Маисурадзе и М. Пирцхалава считают возможным относить все указанные изделия к периоду второй половины VII — VI вв. до н. э. [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 100].

По современным исследованиям впускное погребение Репяховатой Могилы датировано

второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. [Скорый, 2003, с. 36].

По сопутствующему материалу Нижне-Чегемского и Старшего Ахмыловского могильников В.Б. Виноградов относит бытование орлиноголовых бутеролей «временем, приближающимся к середине VI в. до н. э.» [Виноградов, 1972, с. 145].

К VI в. до н. э. относится и наконечник ножен из Владимировского могильника [Шишлов и др., 2008, с. 876, 877]. Меч из Фирминиша, ножны которого украшены бутеролью, также датируется VI в. до н. э. [Скорый, 1990, с. 37]. Бутероль из Кливанского могильника датируется В.И. Козенковой V в. до н. э. по наконечникам стрел из соседних погребений [Козенкова, 2007, с. 267, 268], что выпадает из общего контекста датировок, ограничивающихся VI в. до н. э.

А.Р. Канторович полагает, что одним из основных опорных хронологических индикаторов для всех бутеролей, объединяемых им в особый тип изображений головы хищной птицы («Роменско-верхнекобанский»), является изделие из впускного погребения Репяховатой Могилы [Канторович, 2015, с. 666—668]. Хронологические рамки этого типа он определяет рубежом VII—VI вв. до н. э. — началом VI в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 668]. Подытоживая хронологию орлиноголовых бутеролей, Г.Н. Вольная выделяет два диапазона: широкий — VII — начало V вв. до н. э. и узкий — середина VI — начало V вв. до н. э. [Вольная, 2015, с. 28]. Отнесение данных наконечников ножен, в целом, к периоду скифской архаики является общепризнанным, однако необходимо согласиться с А.Р. Канторовичем в том, что обоснованная датировка дает более узкий и заниженный период — рубеж VII—VI вв. до н. э. — начало или первая половина VI в. до н. э. При этом основания именно для хронологического выделения отдельных типов пока отсутствуют. Датировка Репяховатой Могилы, в данном случае, является одной из опорных, и не позволяет охарактеризовать данный тип бутеролей как хронологически более поздний, свидетельствуя в пользу одновременности рассматриваемых типов.

Генезис мотива головы хищной птицы, представленного на бутеролях. Несмотря на синхронность орлиноголовых бутеролей с территории Кавказа и Скифии, к настоящему времени в археологии сформировалась устойчивая тенденция считать прародиной этих изделий именно Кавказ. Это связано, прежде всего, с интерпретацией ряда находок предскифского времени, происходящих с этой территории, а также со стилистической связью, которую удалось установить между отдельными предметами раннескифского времени и орлиноголовыми бутеролями.

Так, В.Б. Виноградов рассматривает в качестве прототипа орлиноголовых наконечников

ножен скифского времени бутероль из Жемталинского клада, датированного VIII в. до н. э. [Виноградов, 1972, с. 146]. По его мнению, «сама мысль использовать изображение головы орлиного грифона для декора наконечников ножен могла быть подсказана местными кобанскими условиями» [Виноградов, 1972, с. 146]. С этим мнением солидаризируются А.П. Мошинский и Е.В. Переводчикова, также рассматривающие бутероль из Жемталинского клада как прототип орлиноголовых наконечников ножен скифского времени [Мошинский, Переводчикова, 2004, с. 5, 6]. Дополнительные аргументы в пользу Жемталинской бутероли как прототипа скифских приводят В. Маисурадзе и М. Пирцхалава. Они обращают внимание на сходство орнамента рассматриваемого наконечника (узкие противонаправленные ажурные треугольники) с бутеролью из Верхне-Кобанского могильника, также украшенной по краю аналогичным орнаментом [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 103, 104].

Другой линии аргументации придерживается Г.Н. Вольная. По ее мнению, зооморфную деталь из Жемталинского клада нельзя считать прототипом орлиноголовых бутеролей скифского времени. Во-первых, нет полной уверенности в том, что она является бутеролью (возможно, это навершие). Во-вторых, стилистически она существенно отличается от наконечников ножен скифского времени, и едва ли может быть идентифицирована как прототип морфологически однородного изображения скифской головы хищной птицы. Анализируя бутероли первого кавказского типа, Г.Н. Вольная отмечает сходство изображенной на них условной головы хищной птицы с головами грифонов, представленных на раннескифских навершиях, происходящих из к. 8 могильника Новозаведенного-II, к. 3/III Келермесского могильника, к. 1 Ульского могильника, к. 1 у хут. Говердовского, которые, в свою очередь, отсылают нас к прототипам грифонов, изображенных на бронзовых атташах греческих котлов VIII—VII вв. до н. э. [Канторович, 2010, с. 202]. Сходство иконографии проявляется в округлых чертах головы, а также в массивном раскрытом клюве, в котором размещен длинный язык (последняя деталь нехарактерна для собственно скифских изображений головы хищной птицы). Отсюда обоснованный вывод Г.Н. Вольной о влиянии иконографии грифоноголовых наверший на сложение образа, представленного на кавказских бутеролях. Особенно явно это влияние прослеживается между образом грифона из 1-го Ульского кургана и бутеролями Нижне-Чегемского могильника (серповидность надклювья, угловатость подклювья), которые Г.Н. Вольная считает наиболее архаичными [Вольная, 2015, с. 24—26]. При этом в Нижне-Чегемских бутеролях, впрочем, как и во всех остальных, черты греческого грифона подверглись существенной

переработке: здесь отсутствует шишковидный выступ на темени (рудиментарный гребень — важнейший диагностический признак ранних изображений грифонов), а также уши; голова в целом лишается мелких деталей и объемности, язык схематизируется, иногда превращаясь в треугольный. Вывод о влиянии иконографии греческого грифона на образ головы хищной птицы, представленной на бутеролях, подтверждается и хронологией: упомянутые комплексы датируются серединой VII — началом VI вв. до н. э.

Основная причина схематизации греческой протомы грифона в скифском искусстве — непонимание скифскими мастерами семантической нагрузки данного образа и его контаминация с уже существовавшим в предскифское и раннескифское время образом хищной птицы [Канторович, 2010, с. 204, 205]. Согласно схеме, предложенной В.Р. Эрлихом и А.Р. Канторовичем, образ головы хищной птицы в Предкавказье и на Северном Кавказе проходит несколько последовательных этапов развития [Эрлих, 1990, с. 249, 250, Канторович, 2010, с. 205.]. Самым ранним из них можно считать появление птицеголовых топориков-скипетров (комплекс у Кисловодской мебельной фабрики и могильник Фарс), датируемых VIII — первой половиной VII вв. до н. э. [Эрлих, 1990, с. 247]. По стилистике указанным скипетрам близки раннескифские уздечные пронизи, выполненные в виде головки хищной птицы с отверстиями вместо глаз. Они обнаружены на Северном Кавказе [Эрлих, 1990, с. 249], в Украинской Лесостепи [Могилов, 2008, с. 69, 350] а также в Крыму [Скорый, Зимовец, 2014, с. 70] и относятся к комплексам второй половины VII — VI вв. до н. э. Принципиальное значение для формирования образа скифского грифона, по мнению А.Р. Канторовича, имело заимствование образа орлиноголового грифона в греческом искусстве. Существует безусловная стилистическая связь между образцами протом грифонов на греческих атташах и на вершиях Новозаведенного-II, Келермесского, 1-го Ульского и 1-го Говердовского комплексов [Канторович, 2010, с. 203]. Во-первых, сам образ протомы грифона формируется в греческом искусстве, которое таким образом перерабатывает образ переднеазиатского полнофигурного грифона. Во-вторых, у скифских грифонов мы встречаем ряд характерных черт грифона греческого, в первую очередь, раскрытый клюв, изогнутый язык, наличие торчащих ушей и, иногда, шишковидного выступа — рудиментарного гребня. Схематизация этого образа в скифском искусстве приводит, сначала, к утрате шишковидного выступа, а затем и торчащих ушей. Правда, последний элемент все таки приживается в скифском искусстве, и находит свое воплощение в популярном образе скифского «ушастого грифона» [Канторович, 2010,

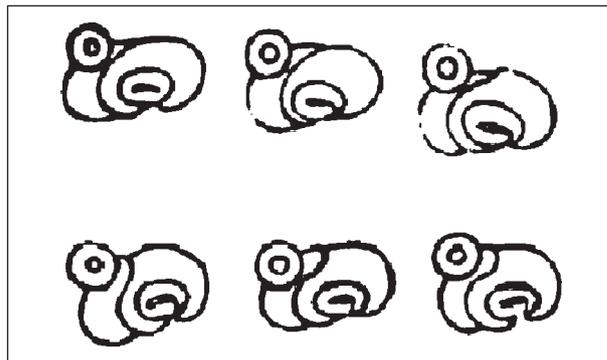

Рис. 7. Изображение голов хищных птиц на серебряном блюде из Зивие (по: [Руденко, 1961, рис. 32])

с. 218]. Но произошло это позднее, в V—IV вв. до н. э.

Влияние на иконографию скифских бутеролов образа орлиноголового грифона, запечатленного на наверхиях из Предкавказья (а через них — протомы греческого грифона) представляется весьма явным. Но какое место в генезисе орлиноголовых бутеролов занимают наконечники типа «Репяховатая Могила»? Для ответа на этот вопрос необходимо остановиться на характерных чертах собственно раннескифского изображения головы хищной птицы.

Еще М.Н. Погребова обращала внимание на отличие скифского архаического образа хищной птицы от греческого грифона, указывая на то, что он представляет собой «самобытное явление, уходящее корнями в далекое прошлое» [Погребова, 1948, с. 67]. «То, что обычно принято называть «скифским грифоном», в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы. Схема ее в виде большого выпуклого круглого глаза и загнутого книзу сомкнутого клюва с резко обозначенной роговицей чрезвычайно распространена в скифском быту» [Погребова, 1948, с. 66, 67]. Этот образ изначально был стилистически близок греческому орлиноголовому грифону, а потому, впоследствии, был практически отождествлен с ним [Погребова, 1948, с. 67], что, тем не менее, не исключало своеобразие развития собственно скифской иконографии головы хищной птицы.

Если посмотреть на изображения головы хищной птицы на предметах «скифского пласта» Зивие (серебряное блюдо с золотыми аппликациями, фрагменты золотых диадем), относящихся к VII в. до н. э.¹, то уже здесь мы увидим основные диагностирующие черты скифской иконографии этого образа: большой круглый глаз, практически заменяющий собой голову, массивный вытянутый и затем резко загнутый (но не закрученный) клюв, сомкнутый, но в тоже время как бы приоткрытый рот, переданный замкнутым овалом или схожей с овалом фигурой (рис. 7). Как отмечали М.И. Погребова

1. Относительно датировки памятника см.: [Алексеев, 2003, с. 102; Lebedynsky, 2010, p. 76].

ва и Д.С. Раевский, наибольшая «собственно скифская» модификация данного образа, по сравнению с Зивие, заключалась в том, что клюв не просто резко загибался, но уже закручивался, иногда в многовитковую спираль [Погребова, Раевский, 1992, с. 126].

Если посмотреть на бутероли типа «Репяховатая Могила» в перспективе указанных особенностей раннескифской иконографии головы хищной птицы, то мы увидим сочетание двух интересных стилистических особенностей. С одной стороны, клюв птицы передан спиралевидным завитком («собственно скифская» трактовка головы хищной птицы). Но этот спиралевидный клюв вписан здесь в подпрямоугольную, вытянутую форму головы, вследствие чего он также становится вытянутым, а спираль — необычно приплюснутой, овальной. По своим общим пропорциям и виду бутероли типа «Репяховатая Могила» напоминают ранние образцы головок хищных птиц, ведущих свое происхождение от «скифского пласта» Зивие. Видимо здесь имело место стремление мастера вписать стилистическую новацию — спиралевидный клюв — в более архаичную схему птичьей головки, в результате чего и появилось столь оригинальное изображение. От раннегреческой протомы грифона здесь остается лишь раскрытый клюв, переданный овалом и относительно невыразительный язык.

Следует отметить, что подобные вытянутые пропорции головы, иногда в сочетании со спиралевидно закрученным клювом характерны для целого ряда ранних изделий, выполненных в скифском зверином стиле и происходящих как с территории Кавказа, так и, собственно, Скифии. К их числу относятся, прежде всего, клювовидные пронизи: обтянутые золотой фольгой пряжки-пронизи из к. 2—4/III Келермеса [Галанина, 1997, кат. 87,88, табл. 5, 87], а также из Лесостепного Левобережья и Нижнего Поднепровья, где они преобладают: Захарейковой Могила [Могилов, 2006, рис. 129, 39], Аксютинец [Могилов, 2006, рис. 129, 28], курганов Роменского уезда [Могилов, 2006, рис. 129, 31—36], Ярмолинцов [Могилов, 2006, рис. 129, 29]. К аналогичным по стилистике головкам можно отнести известное костяное налучье из кургана 3 (погребение 5) у с. Нижние Серогозы (Нижнее Поднепровье) [Артамонов, 1968, рис. 6]. Все указанные изображения датированы серединой VII — третьей четвертью VI вв. до н. э. [Канторович, 2015, с. 645]. Близкие по стилистике исполнения головки хищной птицы мы находим на бронзовой бляшке в форме солнечного колеса из кургана 83 Уйгаракского могильника, также относящейся к раннескифскому времени [Вишневская, Итина, 1971, рис. 7, 11]. Удлиненные пропорции головы птицы со спиралевидно закрученным клювом, находящимся на одной плоскости с шеей, мы наблюдаем и на известном костяном псалии из кургана 2 у с. Жа-

ботин, который датирован серединой — второй половиной VII в. до н. э. [Вязьмитина, 1963, рис. 5, 1; Канторович, 2015, с. 680]. Головки хищной птицы с удлиненным клювом, находящимся на одной плоскости с головой мы встречаем на трехдырчатых псалиях из курганов Роменского уезда, датируемых второй половиной VII — VI вв. до н. э. [Могилов, 2008, рис. 57, 12, 13]. У всех этих изображений клюв, как правило, лежит на одной плоскости с головой, благодаря чему для всего изображения характерна подпрямоугольная форма. Очевидно, что здесь мы имеем дело с архаичной стилистикой изображения, сочетающей в себе линию развития, идущую от изображения голов хищных птиц на изделиях «скифского пласта» Зивие.

Место бутеролей типа «Репяховатая Могила» среди орлиноголовых бутеролей раннескифского времени. С учетом известной на сегодня географии распространения, а также особенностей стилистики бутероли типа «Репяховатая Могила» можно отнести к локальной версии орлиноголовых бутеролей, характерной для территории Скифии. На своеобразие стилистики типа повлияли два фактора, характерных для раннескифского звериного стиля. Во-первых, это раннескифская новация — закрученный, спиралевидный клюв. Во-вторых, стремление объединить эту новацию с ранними образцами иконографии головы хищной птицы, ведущими свое происхождение от изображений головок хищных птиц «скифского пласта» Зивие. Для последних характерна подпрямоугольная форма всего изображения, выравнивание клюва по нижней части условной головы или шеи, удлиненные пропорции клюва и головы в целом. В результате такого синтеза сформировалась оригинальная форма, в которой спиралевидный клюв оказался встроенным в более архаичную схему и, в результате, получил массивную вытянутую сплюснутую форму.

Как соотносятся бутероли типа «Репяховатая Могила» с кавказскими окончаниями ножен? Необходимо отметить три важные особенности бутеролей типа «Репяховатая Могила». Во-первых, все они выполнены в гомогенной стилистике, и сочетают в себе основные элементы изображения головы хищной птицы, характерные для раннескифского искусства рубежа VII—VI вв. до н. э. Не будет преувеличением сказать, что они в большей степени соответствуют канонам скифского звериного стиля, чем изображения первого кавказского типа. Во-вторых, изображение головы на этих бутеролях более детализировано, чем на бутеролях первого кавказского типа. В-третьих, имеющиеся в нашем распоряжении хронологические данные говорят об относительной одновременности всех трех типов бутеролей. Приведенные особенности указывают на архаичный и самостоятельный характер стилистики бутеролей типа «Репяховатая Могила».

Тем не менее, существует ряд весомых аргументов, свидетельствующих в пользу территории Кавказа как прародины орлиноголовых бутеролой. Во-первых, очевидная большая концентрация орлиноголовых бутеролой в кавказских комплексах. Во-вторых, и это самое главное, наличие в Предкавказье изображений, опосредующих раннескифский мотив хищной птицы и иконографию греческого грифона, в первую очередь, упрощенных изображений протомы грифона на навершиях. Это опосредование стало необходимым условием формирования образа хищной птицы с раскрытым ртом и языком. В-третьих, в пользу кавказского происхождения орлиноголовых бутеролой свидетельствует и наличие в этом регионе в доскифское время (X—IX вв. до н. э.) значительного количества наконечников ножен «весловидной формы». Несмотря на то, что аналогичные бутеролы были встречены также в Среднем Поднепровье (Суботовское городище; с. Гулы) и Подунавье (могильник Брно-Обжаны), на Кавказе их количество значительно больше (Герменчик, Баксан, Сержень-Юрт, Эчкивап, Клин-Яр III, Псекупс) [Козенкова, 2013, с. 93, 94, рис. 46—48]. Весомым остается и аргумент бутеролы из Жемталинского клада доскифского времени.

Скорее всего, именно на Кавказе архаичный скифский мотив головы хищной птицы, будучи опосредован образом раннегреческого грифона, нашел воплощение в бронзовых окончаниях кинжалных ножен. 1-й Кавказский тип бутеролой является, видимо, непосредственным подражанием изображениям на навершиях. Их клюв моделирован кольцом, спиралевидность, как таковая, еще отсутствует, подклювье передано очень схематично. Крайняя условность этих изображений, отсутствие детализации, наводит на мысль о том, что данные изделия изготавливали местные, кавказские мастера, не только явно упрощавшие сложный для них образ протомы раннегреческого грифона, но и не в полной мере понимавшие скифскую стилистику головы хищной птицы, о чем свидетельствует маленький глаз и невыразительный клюв.

Но примерно в это же время (конец VII — начало VI вв. до н. э.) возникают и две другие линии развития образа орлиноголовых бутеролой. Их главной особенностью является наличие скифской новации — спиралевидного завитка. Но если в случае 2-го Кавказского типа это развитие было опосредовано влиянием кобанского искусства с присущей ему ажурностью и орнаментальностью, в случае бутеролой типа «Репяховатая Могила» решающее значение имело влияние раннескифского образа головы хищной птицы.

Вероятно, именно с территории Кавказа орлиноголовые бутеролы проникают в Крым, где претерпевают стилистические изменения, при-

обретая более вытянутые пропорции клюва, специфический овал рта, упрощенный прямой язык и подчеркнuto увеличенный глаз. Отдельные черты протомы греческого грифона (раскрытый клюв, язык) полностью инкорпорируются в традиционную скифскую иконографию головы хищной птицы, сочетающую в себе архаичные, идущие от скифского пласта Зивие черты (большой глаз, массивный удлиненный клюв), а также скифскую новацию — спирально закрученный клюв. Благодаря такой инкорпорации бутеролы типа «Репяховатая Могила» получили более традиционный для скифского искусства, вид. Судя по стилистике и проработанности образа, мастера, изготовлявшие эти бутеролы, были в большей степени знакомы с канонами раннескифского звериного стиля, нежели мастера Дигории, изготавливавшие первый кавказский тип. С территории Крыма бутеролы типа «Репяховатая Могила» проникли в Северное Причерноморье и Среднее Поднепровье.

Гипотеза, в соответствии с которой Крым может рассматриваться как очаг производства бутеролой типа «Репяховатая Могила» подтверждается следующими аргументами. Во-первых, Крым является второй, после Кавказа, территорией концентрации орлиноголовых бутеролой (4 экземпляра). На остальных территориях известны лишь единичные экземпляры. В Крыму присутствуют два типа бутеролой — как производных от 1-го Кавказского (2 экз.), так и типа «Репяховатая Могила» (2 экз.), что говорит о знакомстве местных мастеров с особенностями кавказской стилистики, но, в то же время, и о стилистических новациях, фиксируемых на данной территории.

Во-вторых, обращает на себя внимание бутероль с Кубалача. В целом, отвечая схеме бутеролой 1-го Кавказского типа, она обладает двумя особенностями, характерными для типа «Репяховатая Могила»: массивным, четко выраженным клювом, прямым языком. Скорее всего, здесь мы имеем дело с неким переходным типом, когда Дигорско-Чегемской схеме придаются новые черты, в большей степени соответствующие иконографии скифской хищной птицы.

В-третьих, косвенное подтверждение местного производства крымских изделий дает и металлографический анализ, проведенный Т.Ю. Гошко (см. приложение). Так, из четырех крымских бутеролой одна (из урочища Алан-Тепе, в окрестностях Старого Крыма) произведена из сложного оловянисто-свинцовисто-мышьяковистого сплава на медной основе, характерного для Северного Кавказа [Барцева, 1981, с. 89,91]. Три остальные бутеролы изготовлены из сплавов оловянистой бронзы с повышенным содержанием свинца и оловянисто-свинцовой бронзы, более характерных для изделий, происходящих с Левобережной

Украины [Барцева, 1981, с. 89—90]. Вопрос о возможном крымском производстве некоторых скифских предметов вооружения, а также предметов в зверином стиле был поставлен совсем недавно, в связи с находками полуфабрикатов и бракованных изделий [Скорый, Зимовец, 2014, с. 47, 48, 163]. Что касается возможной местной (крымской) специфики сплавов, а также источников сырья для них, то эти вопросы еще ждут своей постановки. Поэтому на данном, пока начальном этапе исследования цветной металлообработки раннего железного века Крыма можно лишь констатировать, что бутероль из Алан-Тепе была изготовлена по северо-кавказской рецептуре и, скорее всего, из северо-кавказского сырья. Три остальные бутероли были произведены по другой рецептуре, из сплавов с большим содержанием меди и отсутствием либо небольшим содержанием мышьяка. И это изменение мы фиксируем именно на территории Крыма, что позволяет сделать предположение о начале местного производства орлиноголовых бутеролей¹.

Предложенная реконструкция генезиса и путей распространения орлиноголовых бутеролей хорошо согласуется с известной концепцией волнового проникновения скифов на территорию Северного Причерноморья, в соответствии с которой вторая волна кочевников хлынула на территорию Скифии именно с Кавказа, после окончания переднеазиатских походов [Скорый, 2003, с. 73—86]. С этой волной необходимо связывать и проникновение орлиноголовых бутеролей в Крым², а также начало местного производства бутеролей типа «Репяховатая Могила». Вероятно, данное проникновение произошло очень быстро в течение одного — двух поколений, о чем свидетельствует относительная синхронность бутеролей всех трех типов. Во второй половине VI в. до н. э. данная деталь вооружения выходит из употребления, что синхронизируется со сменой всего архаического вещевого комплекса классическим [Алексеев, 2003, с. 171].

1. На основании наличия на территории Ольвийского полиса мастерских, специализирующихся на изготовлении предметов в скифском зверином стиле А.С. Островерхов и С.Б. Охотников отнесли орлиноголовую бутероль с о-ва Левке к кругу продукции ольвийского производства [Островерхов, Охотников, 2008, с. 33]. Эту возможность исключать нельзя, однако пока она выглядит слишком умозрительной: ни одной бутероли (а тем более, свидетельств ее изготовления) на территории Ольвийского полиса и хоры пока не обнаружено.

2. Проникновение скифов с Кавказа в Крым как часть Северопричерноморской степи хорошо документируется целым рядом аналогий, существующих между предметами вооружения и конского снаряжения раннескифского времени, происходящих с территории Северного Кавказа и Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 19, 22, 70—72, 79].

ВЫВОДЫ

1. Принимая во внимание находки орлиноголовых окончаний ножен, сделанные в последние годы на Агармыше, Кубалаче, в долине Старого Крыма и в районе Александровки Крым необходимо рассматривать как второй после Кавказа регион их концентрации. За пределами указанных регионов известны лишь единичные находки подобных бутеролей.

2. В свете крымских находок становится оправданным выделение отдельного типа орлиноголовых бутеролей, который, вслед за наиболее известным и хорошо датированным памятником мы определили как тип «Репяховатая Могила». Изображения данного типа обладают рядом особенностей и гомогенной стилистикой, сочетающей спирально закрученный клюв и удлиненные пропорции головы. Она более близка традиционным скифским изображениям голов хищных птиц, нежели стилистика бутеролей первого кавказского типа.

3. Принимая во внимание тот факт, что бутероли типа «Репяховатая Могила» пока встречены только на территории Скифии и неизвестны на территории Кавказа, а также самостоятельный раннескифский характер трактовки головы хищной птицы, есть основания рассматривать тип «Репяховатая Могила» как локальный для территории Степной и Лесостепной Скифии.

4. Большая концентрация орлиноголовых бутеролей на территории Кавказа, а также явное влияние на эти изделия скифской трактовки раннегреческого орлиноголового грифона, воплощенной в известных на вершинах с территории Предкавказья свидетельствуют в пользу кавказской прародины этих изделий. Хотя подтвержденная датировка отдельных бутеролей разных типов заставляет сделать вывод об их относительной синхронности.

5. Пока Крым является единственной территорией, на которой встречены как кавказские бутероли первого типа, так и наконечники ножен типа «Репяховатая Могила». Представляется вероятным проникновение на полуостров орлиноголовых наконечников первого кавказского типа с территории Кавказа, а также их стилистическая интерпретация и производство в Крыму на основе более традиционного для скифского искусства изображения головы хищной птицы.

Этот факт, наряду с другими крымскими экземплярами архаичных элементов скифской триады, находящихся многочисленными аналогиями на широких пространствах Лесостепи, Степи и Кавказа, свидетельствует о важном значении Крыма, в особенности его Юго-Восточной части, как контактной зоны уже в раннескифское время.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. — СПб., 2003. — 416 с.

Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА. — 1968. — № 4. — С. 27—46.

- Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское Левобережье. — М., 1981. — 127 с.
- Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV века до нашей эры). — Грозный, 1972. — 389 с.
- Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // МИА. — 1971. — Вып. 177. — С. 197—208.
- Вольная Г.Н. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле // РА. — 2015. — № 1. — С. 19—31.
- Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н. э. (на материале скифо-сибирского звериного стиля). — Владикавказ, 2002. — 145 с.
- Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. — 1963. — № 2. — С. 158—170.
- Глініська В.А. Про скіфські навішники // Археологія. — 1963. — Т. XV. — С. 33—60.
- Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. — 1965. — № 1. — С. 86—108.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 380 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—64.
- Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2015. — 1724 с.
- Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 189—224.
- Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. — М., 1997. — С. 97—114 (МИА России. — Т. 1).
- Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир. — М., 2013. — 252 с.
- Мингалев В.В. Зооморфные изображения на оружии и деталях конской збруи ананьинской эпохи (X—II вв. до н. э.) // Арт: литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал Республики Коми. — 2007. — № 4. — С. 80—87.
- Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
- Макалатия С.И. Раскопки Дванского могильника // СА. — 1949. — Т. XI. — С. 225—240.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 90 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
- Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII—IV вв. до н. э. — М., 2006. — 206 с.
- Мошинский А.П., Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // БИ. — Симферополь; Керчь, 2004. — Вып. VII. — С. 5—26.
- Новичихин А.М. Наследие Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. — Анапа, 2006. — 220 с.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. Остров Ахилла у гостинному морі // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н. е. по XIX ст. н. е.). — К., 2008. — Вып. 1. — С. 26—59.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. — 1989. — № 2. — С. 50—67.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. Остров Левке // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одесса, 2013. — С. 523—542.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. — М., 1992. — 260 с.
- Погребова М.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. — 1948. — Т. XXII. — С. 62—67.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). — М., 1961. — 68 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003. — 161 с.
- Скорый С.А. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли // СА. — 1990. — № 1. — С. 34—41.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — 464 с.
- Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П. Новый памятник скифского времени близ Новороссийска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — Ставрополь, 2008. — Вып. VIII. — С. 876—877.
- Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). — Казань, 2008. — 172 с.
- Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеобразных скипетров предскифского времени // СА. — 1990. — № 1. — С. 247—250.
- Lebedynsky I. Les Scythes. — Paris, 2010. — 310 p.
- Maisuradze V., Pirtskhalava M. Bouterolle from the village of Patardzeuli (Kakheti, Eastern Georgia) // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. — 2013. — V. 19, 1. — P. 95—104.

Р. В. Зимовець

ПРО ЛОКАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ БРОНЗОВИХ БУТЕРОЛЕЙ У ВИГЛЯДІ ГОЛОВИ ХИЖОГО ПТАХА

У статті розглянуто один з характерних елементів художнього оформлення скіфського озброєння — бронзові бутеролі від піхов для мечів та кинджалів у вигляді голови хижої птиці (орла). За останні кілька років кількість бутеролой, введених у науковий обіг зростає за рахунок нових знахідок у Криму та на Кавказі. Всього враховано 24 вироби, що походять з території Північного Кавказу, Закавказзя, Кубані, Криму, Північного Причорномор'я, Середнього Подніпров'я, Трансильванії, Волго-Камського регіону. Картографування місць знахідок дозволяє виявити два основних вогнища концентрації орлиноголових бутеролой: Кавказ та Крим. На інших територіях знахідки бутеролой у вигляді голови хижої птиці мають одиничний характер.

Стилістичні особливості образу, представленого на даних виробах, дозволяють класифікувати їх на три типи: 1-й Кавказький (Дигорсько-Чегемський), 2-й Кавказький (Кобанський) та тип «Реп'яхувата Могила». Якщо бутеролі кавказьких типів зустрічаються, переважно, на території Північного Кавказу, Кубані та Закавказзя бутеролі типу «Реп'яхувата Могила» мають локалізацію на території Північного Причорномор'я (включно з Кримом) та Середнього Подніпров'я, тобто на території власне Скіфії. Хронологічний аналіз

орлиноголових бутеролей вказує на синхронність існування різних їх типів в межах кінця VII — VI ст. до н. е. й не дозволяє чітко зафіксувати хронологічну пріоритетність якогось з типів. Стилiстичний аналіз та загальна кількість знахідок свiдчать на користь Кавказу як прабатьківщини даних виробів. На цій території відбувся синтез ранньоскіфського образу голови хижої птиці та ранньогрецької протоми грифона, внаслідок чого з'явилося своєрідне зображення голови хижої птиці з відкритим ротом та язиком.

У статті висунуто гіпотезу, відповідно до якої проникнення орлиноголових бутеролей з Кавказу на територію Скіфії відбувалося через Кримський півострів. На цій же території відбулося формування стилістики типу «Реп'яхувата Могила» та розповсюдження відповідних виробів на інші території Північного Причорномор'я та Середнього Подніпров'я.

Ключові слова: скіфський звіриний стиль, бутероль, голова хижої птиці, грифон, Крим, Кавказ.

R. V. Zymovets

ABOUT LOCAL FEATURES OF THE BRONZE BOUTEROLLES IN A SHAPE OF PREDATORY BIRD'S HEAD

One of the characteristic of Scythian armor decoration — bronze ends of the sheaths for swords and daggers in a shape of predatory bird's head (eagle's head) is on the focus of current article. Quantity of bronze bouterolles increase in recent years due to new find-

ings in Crimea and Caucasus. Generally 24 ends of the sheaths from Nord Caucasus, Transcaucasia, Cuban', Crimea, Northern Black Sea Cost, Middle Dnieper Region, Transylvania and Volga-Kama Region are accounted. Mapping of places of findings reveals two main hearths of bouterolles concentration: Caucasus and Crimea. In other areas only isolated findings met.

Stylistic features of different ends of the sheaths allow distinguish 3 main types: 1st Caucasian, 2nd Caucasian and «Repyahovata Mohyla» type. Caucasian types met generally in North Caucasus and Transcaucasia. «Repyahovata Mohyla» bouterolles are localized on the areas of Northern Black Sea Cost (including Crimea) and Middle Dnieper Region, i.e. on the areas of classic Scythia. Chronological analysis shows synchrony of existence of different types of ends of the sheaths within the boundaries of the end of 7th—6th centuries BC. and doesn't allow to allocate priority some of them. Stylistic analysis and quantity of findings reveal Caucasus as ancestral home of such kind of articles. The synthesis of early Scythians image of predatory bird's head and early Greek griffin's protomai produced the specific bird's head image on ends of the sheaths on the Caucasus area.

Author argues that Crimea was the territory through which the bird's head ends of the sheaths penetrate on the Northern Black Sea Cost and Middle Dnieper Region, i. e. on the areas of classic Scythia. «Repyahovata Mohyla» type was formed and produced in Crimean peninsula and could be considered as local for Northern Black Sea Cost and Middle Dnieper Region.

Key words: Scythian animal style, bouterolle, head of predator bird, griffin, Crimea, Caucasus.

Одержано 20.03.2016

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т. Ю. Гошко

РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ БУТЕРОЛЕЙ, ОБНАРУЖЕННЫХ В КРЫМУ

1. С горного массива Агармыш близ Старого Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, № 31]. *Анализ 1301*. Оловянистая бронза с повышенным содержанием свинца.

2. Из с. Александровка Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, № 33]. *Анализ 1303*. Оловянистая бронза с повышенным содержанием свинца.

3. Найденная между сс. Сенное и Некрасово Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, № 34]. *Анализ 1304*. Оловянисто-свинцовая бронза.

По результатам исследования Т.Б. Барцевой, сплавы, зафиксированные при изучении бутеролей под № 31, 33, 34, характерны для изделий скифского периода на Левобережье Украины [Барцева, 1981, с. 89—90].

4. Обнаруженная в уроч. Алан-Тепе, в 3,5 км к югу от Старого Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, № 32]. *Анализ 1302*. Сложный оловянисто-свинцово-мышьяковистый сплав на медной основе.

АМд, № 31			АМд, № 32			АМд, № 33			АМд, № 34		
26	Fe	0,819	26	Fe	3,934	26	Fe	1,429	26	Fe	1,979
27	Co	0,049	29	Cu	35,27	29	Cu	81,15	29	Cu	55,68
29	Cu	57,77	30	Zn	0,438	30	Zn	1,207	47	Ag	0,034
33	As	0,179	33	As	1,223	47	Ag	0,052	50	Sn	39,41
47	Ag	0,116	47	Ag	0,125	50	Sn	15,59	57	La	0,213
50	Sn	40,02	50	Sn	57,71	82	Pb	0,579	82	Pb	2,681
57	La	0,185	82	Pb	1,28	57	La	следы	—	—	—
82	Pb	0,855	83	Bi	0,011	—					
83	Bi	следы	57	La	следы						

Такие сплавы известны в среде восточных культур и Северного Кавказа (добавка мышьяка) [Барцева, 1981, с. 89, 91].

Анализ проведен на подполированной поверхности изделий, которая покрыта толстым слоем патины, чем можно объяснить высокие содержания железа (попадание из грунта) и олова. Появление цинка (1,207 %) в анализе 1303 объяснить сложно. Возможно, он попал из руды, так как в скифское время латуни еще не известны.

Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. — М., 1981. — 128 с.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.